

А. МЕЛЬНИК

308

М 48

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТУРЦИЯ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
Москва - - 1 9 2 7 г. --- Ленинград

БИБЛИОТЕКА
Матильды
дворянского
университета
імя А. А. Кулаш

Отпечатано
в типо-хромолитографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Мосполиграф.
Москва,
Арбат, Филипповский п., 11.
Тираж 4000
Главлит № 81.643.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

СТАРАЯ ТУРЦИЯ

1. Борьба за турецкое наследство	5
2. Распад Османской империи	10
3. Движение Кемаля	17

НОВАЯ ТУРЦИЯ.

1. Государственное устройство	21
2. Народное хозяйство	25
3. Рабочее движение	35
4. Народная партия и правая оппозиция	38
5. Внутренняя политика	44
6. Внешняя политика	49

Турция и СССР 52

РИСУНКИ И КАРТЫ:

Историческая карта Турции	15
Мустафа-Кемаль	23
Карта Современной Турции	33
Вождь Турецкой Компартии Мустафа-Субхи	37
Турецкая улица	47
Посещение тов. Араловым Кемалистского фронта	53

Электронный фонд библиотеки ИГУ имени А.А. Кулешова

Старая Турция

Борьба за турецкое наследство

Старую султанскую Турцию капиталистические державы называли „больным человеком“. Они хотели этим названием подчеркнуть, что Турция не сможет сама справиться с возникающими затруднениями, и что ей нужна „поддержка“ и „помощь“ западных стран. Уже с тех пор, как некогда могущественная Османская империя (Турция) начала клониться к упадку, т.-е. приблизительно с середины XVIII века, Запад стал мало-помалу прибирать к рукам все командные высоты турецкой экономической и политической жизни. Иностранцы в Турции располагали таким сильнейшим оружием, как, например, „капитуляции“¹⁾, согласно которым турки брали на себя ряд тяжелых обязательств: изъятие из ведения турецких судов дел иностранцев и передача этих дел на разрешение консулов; запрещение облагать иностранцев налогами; установление низких таможенных пошлин на ввозимые в Турцию товары, без права повышения этих пошлин и т. д. Ссужая султанское правительство займами, капиталистические державы позаботились о том, чтобы подчинить Турцию своему финансовому контролю: когда выяснилось, что турки, благодаря слабости своего народного хозяйства (вызванной в первую очередь режимом капитуляций), а также благодаря преступной расточительности продажной султанской клики, не в состоянии платить по своим долговым обязательствам, западно-европейские державы объявили Турцию банкротом и учредили „Комиссию османского долга“, которой было передано право распоряжаться важнейшими отраслями турецких государ-

1) От латинского слова „капитулюм“, что значит „глава“, „статья“.

ственных доходов. Если ко всему этому прибавить, что Турция своего государственного банка не имела, а эту роль, включая и выпуск бумажных денег, выполнял основанный на английский капитал „Оттоманский банк“; что почти все железные дороги были в руках иностранцев; что в руках иностранцев же была почти вся внешняя торговля и даже такая важная часть турецкого народного хозяйства, как табачная монополия,— то картина экономического закабаления Турции иностранным капиталом будет вполне ясна.

Но и этого империалистическим державам было мало. В конце концов они пришли к выводу, что нужно совсем покончить с „больным человеком“ и разделить турецкое наследство. Теснясь гурьбой у „постели больного“, они пользовались каждым удобным случаем, чтобы урвать для себя тот или иной лакомый кусок Оттоманской империи. При этом, в зависимости от особых для каждого из этих государств причин, они действовали различными способами: то угрозами, то посулами, то кнутом, то пряником. Царская Россия, осуществляя политику своего растущего купеческого капитала, открыто стремилась к захвату Константинополя. Англия, вложившая в Турции большие капиталы и, сверх того, видевшая в ней оплот против русского движения на восток, предпочитала поддерживать до поры до времени „независимость“ Оттоманской империи, превращая последнюю на деле в свою полуколонию. Таковую же линию вела в отношении Турции и Франция, бывшая одним из главнейших кредиторов султанского правительства. Наконец, на этот же путь мирного закабаления Турции вступила впоследствии и Германия, особенно после того, как германским банкирам удалось получить концессию на сооружение железной дороги от Константинополя до Багдада, имевшей громадное экономическое и политическое значение. Но лишь только это направление германской политики выявилось с достаточной определенностью, резко изменила свое отношение к Турции „дружественная“ Англия, которая из ярой защитницы „неприкосновенности“ Оттоманской империи превратилась в не менее яркую поборницу расчленения, или, как говорил один из британских государственных

людей прошлого века, растерзания Турции. С другой стороны, Франция также изменила свою политику, после того как наметился франко-русский союз — союз французских банкиров и царского самодержавия. Столкновения противоположных интересов империалистических держав в борьбе за турецкое наследство заполняют собой содержание всей той политики, которая носила имя Восточного вопроса и которая явилась одной из крупнейших, если не решающих, причин мировой войны.

В этой борьбе за раздел Турции особенное значение имел вопрос о Константинополе и Проливах. Достаточно беглого взгляда на географическую карту, чтобы понять, какое огромное экономическое и военное значение имеет этот участок земного шара. Проливы Босфор и Дарданеллы связывают Черное и Средиземное моря, являясь, таким образом, важнейшим узлом великого торгового пути, по которому торговали еще варяги. Через Проливы велась царской Россией почти вся ее хлебная торговля и значительная часть торговли другими вывозными товарами: углем, нефтью и т. п. Но помимо этого чисто торгового значения, Проливы представляли еще иной интерес для царской России. По мысли русских империалистов, Проливы, эти „ключи от дома России“, должны были полностью принадлежать последней, дабы она могла в любой момент выслать свой военный флот в Средиземное море и, напротив, не пустить никакого чужого флота в Черное море. Тем самым Черное море сделалось бы, как мечтали русские националистические и черносотенные круги, внутренним „русским озером“. Выход же к Средиземному морю должен был означать собой первый шаг к продвижению русского империализма дальше на восток, в Египет, в Сирию, а, может быть, и Индию, к которой уже давно были направлены вождедения русского „белого царя“.

Россия постоянно наталкивалась в этом вопросе на противодействие других империалистических держав и, в первую очередь, на противодействие Англии. Британская империя, как могущественная морская держава, меньше всего была заинтересована в том, чтобы предоставить России возможность исключительного

владения „ключами“ от Черного моря и, следовательно, возможность не допускать в это море иностранный флот. С другой стороны, для Англии была весьма неприятна всякая, хотя бы и отдаленная, угроза, направленная на „жемчужину Британской империи“—Индию. В течение почти всего прошлого столетия разыгрывается упорная борьба между царской Россией и Англией из-за планов в отношении Константинополя и Проливов. Англия выставляет себя ярой защитницей неприкосновенности и неделимости Оттоманской империи, при чем это „бескорыстие“ и эта „дружба“ к туркам проявляется исключительно в нежелании предоставить России возможность утвердиться на берегах Босфора и Дарданелл.

Но в начале XX века перед Англией появляется значительно более могущественный и опасный, чем царская Россия, соперник в лице Германии и союзника последней — Австрии.

Австро-германские притязания были направлены, в первую очередь, на крупнейший порт Эгейского моря — Салоники. Захватом Салоник австро-германцы обеспечили бы себе прямой путь от Вены — столицы австрийской монархии — до Средиземного моря, а от туда можно было двинуться и на Египет, Сирию и Индию, т.-е. к самому сердцу британских и французских империалистов. Осуществление этих замыслов австро-германцы начали проводить еще в семидесятых годах прошлого века. Они тогда договорились с Россией, считавшейся так же, как и Австрия, „наиболее заинтересованной державой“ на Балканах, о том, что при разделе европейских владений Оттоманской империи Австрия получит две турецкие области, лежавшие на ее пути к Салоникам — Боснию и Герцеговину. После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Австро-Венгрия действительно получила эти провинции, но пока только временно — „для занятия и управления“. Впоследствии, в 1908 г., воспользовавшись стесненным положением Турции после младотурецкой революции, Австро-Венгрия захватила Боснию и Герцеговину в свою полную собственность, объявив официально об их присоединении к Австро-венгерской монархии. За Боснией и Герцеговиной лежала еще одна область, с которой нужно было

так или иначе покончить, чтобы соединить Австро-Венгрию с Эгейским морем. Этой областью была Македония. Македонию населяют различные балканские племена. Там живут и болгары, и сербы, и греки, и турки, и каждый из этих народов доказывал свое право на владение Македонией. Из-за Македонии велась постоянная борьба между балканскими народами, с одной стороны, и Турцией,—с другой, и, наконец, между балканскими народами между собой. Большие державы пользовались этими разногласиями в своих интересах. Они наталкивали балканские народности на борьбу, создавая тем самым постоянную смуту на Балканах. Эта политика великих держав толкнула балканские народы на войну с турками в 1912 г. и эта же политика привела затем ко второй балканской войне уже между самими балканскими союзниками.

Но еще до балканских войн значительно изменилось положение среди империалистических держав, борющихся за турецкое наследство. Англия, как выше указано, оказалась перед лицом нового, более могущественного, чем Россия, врага — Германии. Эта последняя, помимо своего империалистического движения к Салоникам, проводила закабаление Турции и другими способами. Она получила в 1903 г. весьма важную концессию на сооружение так называемого Великого Багдадского пути. Эта железная дорога, идущая от Константинополя через всю Турцию к Багдаду, должна была явиться тем путем, который соединял бы, по мысли германских империалистов, знаменитые три „Б“: Берлин, Bizантиум (Византия-Константинополь) и Багдад. Англичанам продвижение немцев к Багдаду, т. е. к Персидскому заливу, и, следовательно, непосредственно к самой Индии, совершенно не улыбалось. Кроме того, для Англии было очевидно, что Россия, потерпевшая на манчжурских полях решительное поражение и в конец ослабленная гнилым царским режимом, уже не сможет быть более или менее серьезным противником Англии на Ближнем Востоке. Все это толкнуло британских политиков на полную перемену фронта. Они окончательно отказываются от „неприкосновенности“ Оттоманской империи и постепенно начинают склоняться к мысли о необходи-

мости соглашения с Петербургом путем удовлетворения, хотя бы на словах, планов царской России в отношении Константинополя и Проливов.

Так постепенно в Восточном вопросе четко обрисовались две противоположные группировки: англо-франко-русская, с одной стороны, и австро-германская,—с другой. Между ними занимала выжидательную позицию Италия, считая наиболее выгодным для захвата своей доли турецкого наследства использовать и ту и другую сторону.

Распад Оттоманской империи

С начала прошлого столетия распад Оттоманской империи идет быстрыми шагами. Из балканских областей Турции первой выделяется в самостоятельное государство Греция (1829 г.), затем Сербия, Черногория и Румыния (1856 г.) и, наконец, Болгария (1878 г.). Россия, после войны 1877—1878 гг., захватывает восточные турецкие провинции — Батум, Карс, Ардаган и др. Австро-Венгрия „временно“ занимает своими войсками Боснию и Герцеговину. Англия мало-по-малу внедряется в Египет и фактически подчиняет его своему полному господству. В Македонии одно за другим вспыхивают восстания, в которых принимают участие и болгарские, и сербские, и греческие, и албанские „четы“ (партизанские отряды).

На-ряду с империалистической политикой иностранных держав, были и другие немаловажные причины, вызвавшие такой быстрый распад Турции. Оттоманская империя объединяла слишком разнообразные по своему национальному и религиозному составу народности, которые, естественно, стремились к самостоятельности, тем более, что им приходилось далеко не сладко под деспотической властью султанов. Из 22-миллионного населения старой Турции турок было всего около 8 миллионов, т. е. всего около $\frac{1}{3}$. Все остальные—арабы, греки, болгары, сербы, армяне и т. д.— не только не пользовались автономией, но невероятно угнетались и притеснялись правительственными властями. Попытки этих народностей мирным путем добиться улучшения своего положения были безрезультатны, восстания подавлялись жестоким и кровавым образом. Поэтому вполне понятно, что нацио-

нальные меньшинства султанской Турции представляли собой благодарную почву для агитации заинтересованных иностранных государств и были таким горючим материалом, который мог вспыхнуть от самой маленькой искорки.

В частности на Балканах, в Македонии, положение национальных и религиозных меньшинств было чрезвычайно тяжелым. Все крупное землевладение принадлежало помещикам - мусульманам, у которых христиане - земледельцы были на положении полукрепостных. Македонскому крестьянству приходилось страдать тройне: и как крестьянам — от насилий беев и пашей, и как христианам — из-за притеснений мусульманского господствующего большинства, и просто, как подданным султана — от произвола султанских чиновников. Немудрено, что в Македонии восстания почти не прекращались. Иностранцы же пользовались этим и под видом „защиты угнетаемых христиан“ стремились подчинить Македонию своему надзору. После македонского восстания 1902—1903 гг. „великие державы“ добились от султанского правительства введения в Македонии иностранной жандармерии, прикомандирования к турецкому губернатору Македонии иностранных советников и пр.

Далеко не случайно, что именно в Македонии, где турки собственными глазами видели, к чему ведет страну самодержавная султанская власть, началась первая турецкая буржуазная революция. 23 июля 1908 г. молодые офицеры турецкой армии Энвер и Ниази во главе небольшого отряда повстанцев подняли знамя восстания, захватили главный город Македонии — Монастырь, арестовали губернатора и двинулись на Константинополь. Восстание было поддержано широкими слоями турецкой буржуазии и, главным образом, турецкой военной интеллигенции, в большинстве своем примыкавшей к революционной партии „Единение и Прогресс“. Султан Абдул-Хамид, чувствуя свое бессилие, вынужден был признать себя побежденным и объявил о восстановлении конституции, отмененной им за 30 лет до этого. На первых порах в Турции было всеобщее ликование. Революционеры, или, как их называли, младотурки, торжественно провозгласили, что отныне не будет никакого различия в правах между турками и остальными народ-

ностями Оттоманской империи, и что конституционное правительство теперь само, без помощи иностранцев, сумеет осуществить все необходимые преобразования. В Салониках Энвер-бей расцеловался с греческим епископом и еврейским раввином. Вождь болгаро-македонских повстанцев Санданский спустился со своей „четой“ с гор и заявил, что прекращает борьбу против революционной Турции. Казалось, что в отношении с нацменьшинствами наступили мир и согласие.

Однако, действительность обманула ожидания многих мечтателей. Придя к власти, младотурки не сумели направить национально-освободительное движение по надлежащему пути. Они старались поддерживать в умах правящих турецких кругов мысль о том, что национального вопроса в Турции не существует, что все население Турции, вне зависимости от национальности и религии, является „оттоманами“, подданными Оттоманской империи. На деле эти взгляды привели к тому, что младотурки отказывались признавать за нацменьшинствами даже самые скромные права и стремились постричь все многомиллионное и многоплеменное население Турции под одну гребенку „оттоманизма“. Уже вскоре после переворота борьба национальных меньшинств против турецкого правительства разгорается с новой силой, и новые волнения возникают в Армении, в Аравии и на Балканах.

Главным образом эта неправильная, вредная национальная политика привела к общему крушению революции 1908 г. В самом деле, интересы растущей туземной буржуазии требовали создания сильного и, что важнее всего, единого государства. Младотурки же имели своей целью удержать во что бы то ни стало в составе Оттоманской империи все нетурецкие земли и, тем самым, не только не создавали единого государства, но своей политикой неуклонно толкали империю к полному распаду. Сам же комитет¹⁾ „Единение и Прогресс“ не смог сделаться настоящей массовой партией и постепенно выродился в узкую заговорщическую организацию, ко-

1) „Единение и Прогресс“ турки называли не партией, а комитетом; поэтому-то часто эта организация называлась просто „комитет“.

торой руководило сперва крайне ограниченное, а потом и вовсе ничтожное число лиц.

Переживавшиеся Турцией затруднения были только на руку западным империалистам. Они усиливают борьбу за раздел Оттоманской империи, захватывая турецкие земли и натравливая малые соседние государства против турок. Через несколько месяцев после младотурецкого переворота Австро-Венгрия (в октябре 1908 г.) объявляет о формальной аннексии (присоединении) Боснии и Герцеговины. В тот же самый день провозглашает себя независимым королевством Болгария, до этого считавшаяся, по крайней мере формально, подчиненным султану княжеством. Спустя три года Турция лишается своих северо-африканских владений — Триполи и Киренаики, — которые, после итало-турецкой войны 1911/12 гг. переходят к Италии. Война Турции с Италией и ослабление турецкого правительства весьма способствовали осуществлению еще более широких завоевательных планов больших и малых государств в отношении Оттоманской империи. При деятельной поддержке французской, английской и, главным образом, русской дипломатии на Балканах создается в марте 1912 г. союз четырех балканских государств (Болгарии, Сербии, Черногории и Греции), носящий явно наступательный против Турции характер. И не успела закончиться итало-турецкая война (Лозанским миром от 18 октября 1912 г.), как буквально на следующий день последовало объявление войны Турции со стороны балканских союзников. Из этой так называемой первой балканской войны Турция вышла совершенно разбитой. Она лишилась в Европе почти всех своих владений, сохранив лишь Константинополь и узкую полосу земли к западу от него. Только во вторую балканскую войну, возникшую между бывшими союзниками из-за дележа добычи, Турции удалось воспользоваться поражением Болгарии и вернуть себе небольшой участок ранее потерянных земель (Адрианополь, Люле-Бургас и др.).

К 1914 г. положение на Ближнем Востоке складывалось следующим образом. Турция, ослабленная триполитанской и балканскими войнами и управляемая кучкой оторванных от народа авантюристов во главе с Энвер-

пашой, почти целиком перешла под влияние австро-германского империализма. Англия, Франция и царская Россия в общих чертах уже сталкивались между собой и вели упорную подготовку к войне, в которой для России главной приманкой была надежда на захват Константинополя и Проливов. Не менее яростно готовились к войне Германия и Австро-Венгрия, перетягивая на свою сторону, помимо Турции, еще и Болгарию, которая питала горячую ненависть к России, способствовавшей разгрому болгар во вторую балканскую войну. На присоединение Турции к австро-германскому союзу оказывало не малое влияние и поведение самой Антанты (Англия, Франция, Россия). Турки понимали, что победа Антанты неминуемо вызовет передачу Константинополя и Проливов царской России. С другой стороны, для Антанты и, в первую очередь, для царской России было просто желательно, чтобы Турция ввязалась в войну и воевала на стороне центральных держав. Только при этих условиях Россия могла бы „оправдать“ империалистическую войну перед „общественным мнением“ своей страны. Поэтому Антанта начинает провоцировать турок на вступление в войну: на предложение турецкого правительства о том, что Турция будет соблюдать строгий нейтралитет и даже вступит в войну на стороне Антанты, если последняя торжественно заявит, что никому не позволит покушаться на целостность и неприкосновенность Оттоманской империи, представители держав Антанты, дают уклончивые ответы, и это окончательно убеждает турок в наличии у Антанты завоевательных планов в отношении Константинополя. Прибытие германских военных судов „Гебена“ и „Бреслау“ в Константинополь и последовавшая вскоре бомбардировка ими русского черноморского побережья решают дело. Турция вступает в войну на стороне центральных держав.

Мировая война принесла Турции тяжелое поражение. Не выдержав натиска Антанты, она одной из первых выходит из строя. 30 октября 1918 г. Турция подписывает Мудросское перемирие, которым она берет на себя весьма тяжелые условия (разоружение, открытие Проливов и пр.). Распад Оттоманской империи стал за время мировой войны совершившимся фактом. Египет,

который и раньше в действительности представлял собою британскую колонию, теперь уже формально перешел к Англии. Месопотамия, Сирия и Палестина были заняты англо-французскими войсками. В Аравии образовался ряд независимых государств.

Но, не удовольствовавшись всем этим, западно-европейские империалисты решили „добить“ Турцию и отторгнуть от нее даже чисто-турецкие земли. Под предлогом „наведения порядка“ английские, французские и итальянские войска занимают ряд турецких областей (Адалию, Киликию, Западную Анатолию) и устанавливают свое полное господство в Константинополе. Грекам передается Смирна и Восточная Фракия. Султанское правительство, которое, после Мудросского перемирия и бегства вождей комитета „Единение и Прогресс“ за границу, было составлено из представителей реакционной партии „Свобода и Согласие“, становится игрушкой в руках англичан. Когда же под давлением широких кругов буржуазии и интеллигенции султан был вынужден созвать парламент и когда этот парламент отказался признать кабальные условия Антанты и принял свой знаменитый „Национальный обет“ (январь 1920 г.), призывавший к борьбе за национальное освобождение Турции, — англичане оккупировали (заняли своими войсками) Константинополь и штыками разогнали парламент. Севрский мирный договор (10 августа 1920 г.), навязанный султанскому правительству Антантой, закрепил кабаление Турции. В Европе турки сохраняли только Константинополь с узкой полосой прилегающей земли. Проливы разоружались и передавались под надзор союзников. В Азии греки получали Смирну; арабские земли переходили фактически к Антанте; предполагалось образование „независимого“ Курдистана. Еще более тяжелыми были экономические статьи договора: режим капитуляций сохранялся в полном объеме; для контроля над турецкими финансами учреждалась комиссия из представителей Антанты с диктаторскими полномочиями; подтверждались все концессии, предоставленные прежде турецким правительством иностранцам (разумеется, исключая австро-германских). Турция, как независимая держава, переставала существовать.

Движение Кемаля

Но союзники просчитались. Они не учли одного весьма серьезного обстоятельства, которое привело к крушению всех их планов. В Анатолии возродилось национально-освободительное движение, сбросившее с Турции путы иностранного гнета и приведшее ее к свободе и независимости.

Основным ядром этого движения явилась молодая анатолийская буржуазия, анатолийское крестьянство и те же слои военной интеллигенции, которые совершили переворот 1908 г. Однако, анатолийское движение по своим внутренним причинам и по своему составу значительно отличалось от революции младотурок. Тогда, в 1908 г. революцию совершила небольшая, сравнительно, группа заговорщиков, сумевшая использовать момент, чтобы свалить подгнивший у основания бесильный трон самодержавия. Тогда „народ безмолвствовал“, и победа революции была обязана не тому, что народные массы поддерживали младотурок (ибо в действительности массы себя не проявляли), а скорее тому, что султан, ненавидимый и презираемый, не смог привлечь народ на свою сторону. В 1908 г. единственными революционными слоями были молодые офицеры и верхушка крупной портовой (константинопольской и салоницкой) буржуазии, объединявшиеся вокруг комитета „Единение и Прогресс“. Турецкая промышленность, скованная по рукам и ногам иностранным капиталом, была еще в зародышевом состоянии и не могла выдвинуть революционного класса туземной буржуазии. Крестьянство, угнетенное и поработанное помещиками и духовенством, спало глубоким сном.

Мировая война внесла в экономическую и общественную жизнь Турции большие перемены. Отрезанные от внешних рынков, Германия и Австро-Венгрия оказались вынужденными пополнять свои запасы сырья и некоторых товаров (дешевые ткани, обувь и пр.) в Турции. В Турции же центральные державы, в силу соображений военного характера, усилили железнодорожное строительство, начали создавать оружейные заводы и пр. Таким образом, местная турецкая промышленность

стала подавать признаки жизни, и, вместе с тем, стала расти и крепнуть турецкая буржуазия. Мировая война способствовала и созданию основы для развития сельского хозяйства. Турецкий хлеб, который прежде не мог выдержать конкуренции с русским и американским зерном, теперь, благодаря войне, очутился без соперников и начал вывозиться за границу — в Германию и Австрию. В связи с этим увеличилась мощь анатолийской сельской буржуазии, начавшей превращаться в деятельный класс.

Вполне понятно, что все эти слои турецкого населения не могли примириться с новым закабалением Турции иностранным капиталом, которое готовил им Севрский мирный договор. Их экономические интересы повелительно требовали создания независимого государства, открывающего для национальной буржуазии пути и возможности хозяйственного строительства. Нажим Антанты вызвал среди турецкой буржуазии, армии и крестьянства решительный отпор, объединив для борьбы против общего врага все силы страны.

Но наиболее могущественным толчком, вдохнувшим в национально-освободительное движение Турции силу и мощь, явилась Октябрьская революция в России. Выдвинув лозунг раскрепощения угнетенных народов Востока, Октябрь призвал турецкие народные массы к беспощадной войне против иностранных насильников и продажного султанского правительства. Октябрь вывел из строя одного (и притом не маловажного) охотника за „турецким наследством“ — царскую Россию и сделал грозное предупреждение остальным. Октябрь, наконец, создал для новой Турции верного и сильного союзника в лице советских республик, первыми протянувших Турции руку сочувствия и помощи. Исторический акт 5 декабря 1917 г. „Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР ко всем трудящимся мусульманам“, открыл новую страницу во взаимоотношениях между поработанным Востоком и отныне свободной Россией рабочих и крестьян. „Мусульмане Востока, — говорилось в этом обращении, — все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых торговали алчные хищники Европы! Все те, страны которых хотят поделить начав-

шие войну грабители! Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, ныне порваны и уничтожены... Республика Российская и ее правительство — Совет Народных Комиссаров — против захвата чужих земель. Не от России и ее революционного правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые ведут нынешнюю войну из-за дележа ваших стран, от тех, которые превращают вашу родину в расхищаемую свою колонию“.

Турецкое национально-освободительное движение в его новой „кемалистской“ форме зародилось в Анатолии в 1919 г. По всей стране стали создаваться ячейки, в которые входили революционно-настроенные элементы, опасавшиеся за судьбу Турции и недовольные раболопной политикой султанского правительства. Ряд военных командиров сознательно замедлял сдачу оружия и отпуск солдат по домам. В Смирне и Трапезунде состоялись съезды националистов, выдвинувшие в виде основного требования лозунг освобождения захваченных у Турции областей. Движению нехватало только руководителя, который об’единил бы воедино разрозненные силы и придавал бы им организованный характер. Этот руководитель явился в лице Мустафа-Кемаль-паши. Энергичный генерал, с твердой волей и недюжинным умом, Мустафа-Кемаль прибыл в Анатолию по поручению константинопольского правительства, для „успокоения недовольства в войсках“, и сразу же стал во главе национального движения. Под его председательством происходит в июле 1919 г. в Эрзеруме съезд комитетов „защиты прав восточных вилайетов“¹⁾, который принимает следующие решения: борьба против притязаний греков и армян на чисто-турецкие земли — Смирну, Трапезунд, Эрзерум, Сивас и т. д.; отказ признавать султанское правительство, если оно пожертвует этими районами; передача всей полноты власти в восточной Анатолии избранному съездом исполнительному комитету во главе с Мустафа-Кемалем. В сентябре того же 1919 г. состоялся первый обще-турецкий съезд националистов

1) Вилайет — губерния.

в Сивасе. Сивасский конгресс подтвердил постановления Эрзерумского съезда и потребовал от константинопольского правительства немедленного созыва парламента. Султан был вынужден это требование удовлетворить, и в январе 1920 г. парламент открылся. Несмотря на все ухищрения султанского правительства и англичан, большинство депутатов, избранных в парламент, оказалось националистами. Тогда англичане нашли самый „простой“ выход. Они заняли своими войсками Константинополь и разогнали парламент. Последний, впрочем, успел принять так называемый „Национальный обет“, явившийся впоследствии своего рода знаменем кемалистского движения. Этот акт объявлял, что все турецкие области, в том числе Константинополь и Проливы, должны принадлежать Турции, и что турецкому народу должны быть предоставлены право и возможность самому определить свою судьбу.

После разгона оттоманского парламента, константинопольское правительство, ставшее в полном смысле слова рабом англичан, окончательно теряет в Турции всякое значение. В Ангоре, столице Анатолии, созывается новый парламент — Великое Национальное Собрание Турции, которое берет на себя всю власть в стране и заявляет о своей решимости вести беспощадную борьбу с вторгнувшимися в Турцию иностранными войсками. Севрский мир еще больше возмутил турок. Несмотря на голод и лишения, Анатолия, окруженная врагами, ведет героическую войну за освобождение. Только в одной стране нашла она поддержку: Советская Россия, перед лицом общего противника, протянула кемалистам руку дружбы и помощи. В 1920 г. впервые завязываются отношения между Ангорой и РСФСР, а 16 марта 1921 года подписывается советско-турецкий „договор о дружбе и братстве“, договор, встреченный западными империалистами с нескрываемой злобой и ненавистью.

Национально-освободительное движение Турции сумело себя отстоять. Выдвинутые англичанами против кемалистов греческие войска, одержавшие, было, ряд крупных побед и уже подходившие к самой Ангоре, потерпели в исторической битве у Домлу-Пунара (осень

1922 г.) решительное поражение. Армия Кемалю, сбросив греков в море, взяла Смирну и подошла к самому Константинополю. Англичанам ничего не оставалось, как просить у турок перемирия, которое и было подписано в сентябре 1922 г. в Мудании, на берегу Мраморного моря.

На Лозаннской конференции, созванной согласно условиям перемирия, турки добиваются значительного успеха. Они, правда, были вынуждены отказаться от весьма важного пункта, предусмотренного и „Национальным обетом“, а именно, от своей верховной власти над Проливами, согласившись на разоружение последних, на разрешение прохода через Проливы военных судов и на передачу надзора над Проливами международной комиссии. Эта уступка была весьма невыгодна и с точки зрения Турции, и с точки зрения интересов СССР, ибо Черное море стало теперь открытым для иностранных военных кораблей. Но по ряду других вопросов турецкая делегация в Лозанне одержала крупную победу. Тягостные для Турции „капитуляции“ отменены безоговорочно и целиком, финансовый контроль иностранцев упразднен. За Турцией остаются почти все чисто-турецкие области, в том числе Константинополь и Восточная Фракия. Турция признана независимой и равноправной со всеми другими государствами державой.

Лозаннской кемалистская Турция закончила первую часть своей борьбы за национальное освобождение. Теперь перед нею встала другая, не менее тяжелая и ответственная задача: хозяйственное возрождение и государственное устройство страны.

Новая Турция

1. Государственное устройство

Победа над греками прежде всего поставила перед кемалистами на очередь вопрос о взаимоотношениях с Константинополем. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы султанское правительство, предавшее и продавшее Турцию, продолжало осуществлять верхов-

ную власть в стране. В заседании Великого Национального Собрания 1 ноября 1922 г. принимается закон об упразднении султаната и о сосредоточении всей полноты законодательной и исполнительной власти в руках ВНСТ. За бывшим султаном сохранялась только власть религиозная: он продолжал оставаться халифом, „наместником пророка“, „повелителем правоверных“. Постановление ВНСТ от 1 ноября, несмотря на свою половинчатость (сохранение халифата), вызванную давлением все еще влиятельного духовенства, имело крупнейший революционный смысл. Турция окончательно порывала с монархией и переходила к демократическому строю, жизненно необходимому для развития национального буржуазного государства. Отмена султаната знаменовала отказ от векового рабства и была, вместе с тем, ударом по иностранному империализму, для которого султан был удобной ширмой, покрывавшей грабительские действия иностранцев.

Дальнейшим шагом в области государственного устройства Турции было естественно вытекающее из отмены султаната провозглашение республики, последовавшее 29 октября 1923 г. На этом же заседании ВНСТ, 29 октября 1923 г., первым президентом Турецкой республики был избран вождь национально-освободительного движения Мустафа-Кемаль-паша, награжденный за победу над греками званием „гази“ („победитель неверных“) и чином маршала.

Наконец, еще через несколько месяцев происходит окончательный разрыв революционной Турции со всем своим старым, далеко не „добрым“ прошлым. После бурных и страстных прений, ВНСТ в заседаниях, продолжавшихся почти два дня под ряд (3—4 марта 1924 г.), постановляет упразднить халифат и изгнать халифа и членов бывшей Османской династии из Турции.

Существование халифата в Турции было, в первую голову, несовместимо с основным стремлением кемалистов — создать на развалинах Оттоманской империи чисто-национальное государство. Пребывание халифа в Турции означало, что турецкий народ не может полностью распоряжаться своими судьбами, и что некоторое право на определение этих судеб принадлежит

Гази Мустафа-Кемаль-паша, президент Турецкой республики.

мусульманству всего мира. Еще более опасным для новой Турции халифат был потому, что вокруг него группировались все реакционные силы: на него опиралось духовенство, противившееся проведению реформ, им пользовались и западные империалисты, всеми способами пытавшиеся воспрепятствовать развитию нацио-

нально-освободительного движения. Все это создавало прямую угрозу победы контр-революции, которая могла бы даже вылиться в восстановление султаната.

Правое крыло ВНСТ пыталось возражать против упразднения халифата. Оппозиция доказывала, что, лишившись халифа, Турция лишится и своего значения „вождя мусульманства“, снизойдя на положение второстепенной мусульманской державы. Этим „опасениям“ реакционеров, старавшихся возродить старые „панисламистские“¹⁾ бредни младотурок, кемалисты противопоставили трезвую национальную политику. Кемалисты указали, что нация одержала свои решающие победы именно в тот момент, когда халиф связал свою судьбу с западными империалистами и направлял в Анатолию халифатские армии для борьбы с национальным движением. Таким образом, все достижения освободительной войны были турками добыты вопреки воле и желаниям халифа и исключительно благодаря собственной силе и принесенным жертвам.

Вот почему кемалисты решились пойти на тот шаг, которого требовали левые круги еще 1 ноября 1922 г.: 3 марта 1924 г. халифат был отменен, и спустя два дня последний халиф Абдул-Меджид был посажен со своей семьей на английский корабль и отправлен к „более гостеприимным“ берегам.

Свое окончательное оформление государственное устройство Турции получило в конституции, утвержденной Великим Национальным Собранием 22 апреля 1924 г. По этой конституции законодательная и исполнительная власть в республике принадлежит меджлису²⁾ — Великому Национальному Собранию Турции, избираемому на 4 года двухстепенным голосованием. ВНСТ избирает из своей среды также на 4 года президента, который назначает председателя совета министров. Правительство ответственно перед меджлисом. Президент не в праве ни приостанавливать постановления меджлиса, ни распускать последний.

1) Панисламизм — течение, доказывавшее необходимость объединения всех мусульманских народов под общей властью султана и халифа.

2) Парламент.

В административном отношении Турецкая республика делится на „вилайеты“ (губернии), во главе которых стоят „вали“ (губернаторы). Вали назначается непосредственно медресом, но в своей работе руководится указаниями министра внутренних дел. Вилайет делится на „казы“ (уезды), а каза на „нахие“ (волость). В свою очередь нахие состоит из „касаба“ (местечко) и „кёй“ (село).

2. Народное хозяйство

Отпадение нетурецких земель явилось для Турции большим плюсом в смысле относительного увеличения турецкого ядра в стране. Правда, Турция теперь занимает площадь в 916.875 кв. километров, вместо 1.850.000 кв. километров, которые занимала бывшая Оттоманская империя, и население республики составляет всего около 10 миллионов, вместо прежних 22¹⁾. Но зато из этих 10 миллионов на долю турок приходится почти 80%, и лишь 20% — на остальные национальности.

Основным занятием населения является сельское хозяйство. Прибрежные области Анатолии и Европейская Турция обладают весьма плодородной почвой. В южных районах, на западе и частью на северо-востоке Анатолии возделывается хлопок. Также на юге — рис, опиный мак, на западе — винные ягоды, оливки, виноград. На северном и западном побережье — табак, составляющий главный предмет турецкого вывоза. На анатолийских плоскогорьях — хлебные злаки.

Большим препятствием для развития сельского хозяйства Турции являлся чрезвычайно тягостный для крестьянства налог, так называемый „ашар“. Ашар (по-арабски — „десятая часть“) был установлен еще во времена Мухаммеда в качестве натурального взноса $\frac{1}{10}$ части урожая. Тогда этот налог был в сущности выкупом за освобождение от воинской повинности, к которой крестьянство не привлекалось. Но с течением времени обстоятельства изменились, крестьяне начали нести

¹⁾ Точных статистических данных относительно народонаселения Турции мы до сего времени не имеем; только теперь (в 1927 г.) турецкое правительство проводит первую всеобщую перепись.

военную службу, а ашар все-таки остался. Более того, он стал еще обременительнее для земледельцев, ибо, вместо $\frac{1}{10}$, стали взимать $\frac{1}{9}$, а затем и $\frac{1}{8}$ урожая. Особенно тяжелым было то, что правительство в большинстве случаев передавало право взимания ашара откупщикам, „мюльтезимам“, которые доводили размер налога до $\frac{1}{3}$, а иногда и до половины урожая.

Ашар долгое время существовал и при правительстве Кемалю, ибо этот налог являлся одним из самых крупных источников государственных доходов Турции. Так, напр., в 1922 г. из 60.619.150 турецких бумажных лир, составлявших доходную часть турецкого бюджета, ашар был исчислен в сумме 18.200.000 лир, представляя, таким образом, около 30% государственного бюджета. Однако ангорское правительство, в конце концов, должно было понять, что при существовании ашара сельское хозяйство Турции не только не может развиваться, но неминуемо должно прийти к полному упадку. Законом от 16 февраля 1925 г. ашар был отменен, и в области сельского хозяйства остались лишь мало обременительный для крестьянства земельный налог и налог на скот (так называемый „агнам“).

Уничтожение ашара оказало благотворное влияние на восстановление крестьянского хозяйства, разоренного восьмилетней войной. Площадь посевов хлебных злаков и культурных растений ежегодно увеличивается. В то время как в 1924 г. посевная площадь Турции составляла 36.400.000 дёнюмов ¹⁾, в 1925 г. она уже равнялась 41 млн. дёнюмов, а в 1926 г.— 54 млн. Ангорское правительство принимает ряд мер к поднятию сельского хозяйства и к улучшению способов обработки земли. Министерство земледелия добилось увеличения числа тракторов с 917 в 1924 г. до 1.800 в 1926 г. Под давлением правительства банки начали предоставлять земледельцам кредиты и субсидии, что также весьма способствует развитию сельского хозяйства. Осенью 1926 г. в Ангоре состоялся съезд специалистов - агрономов, имевший своей целью глубокое изучение насущных вопросов сельского хозяйства. Съезд выработал земельную

¹⁾ Дёнюм — 919,3 кв. метра.

программу, осуществление которой должно привести в течение десяти лет все отрасли сельского хозяйства Турции к весьма высокому уровню. Программа делит Турцию на шесть сельскохозяйственных районов: плодоводство, животноводство, хлопководство, лесоводство, хлебопашество и смешанное сельское хозяйство. Программа намечает следующие мероприятия: культивирование семян, создание опытных полей по садоводству, пунктов по очистке семян и опытной станции устойчивых в засуху растений; разведение образцовых лугов (клевер и пр. травы); создание образцовых показательных молочных ферм и школ по молочному хозяйству; создание станций культур табака и хлопка, питомников орехового дерева, образцовых плантаций чая, станций по борьбе с вредителями и т. д.

Нижеприведенная таблица дает приблизительные цифры собранного в 1926 г. в Турции урожая различных культур, с указанием главных районов произрастания.

Название	Количество	Р а й о н ы
Хлебные злаки .	5.000 млн. кило.	Западная и восточная Анатолия.
Орехи	54 " "	Трапезунд, Керасунд.
Виноград	52 " "	Виноград произрастает во многих районах Турции, но славится больше всего смирский виноград "султанье".
Фиги	92 " "	Западная Анатолия и особенно Смирнский район.
Финики	26 " "	Западная Анатолия и Фракия.
Инжир	29 " "	Смирна, Айдин.
Опийный мак .	4850 ящиков (ящ. около 70 кило).	Амассия, Афион-Кара-Хиссар, Кутахия и Малатия.
Хлопок	200 тыс. тюков (тюк в средн. около 160 кило).	Смирна, Адана.
Табак	46 млн. кило.	Самсун, Трапезунд, Брусса.

Помимо земледелия, крупнейшей отраслью сельского хозяйства Турции, особенно ее восточных горных районов, является скотоводство. В результате войн, животноводство Турции значительно пало, и хорошие породы лошадей и крупного рогатого скота встречаются довольно редко. Только за последние два года, благодаря усилиям правительства, животноводство начало развиваться. Министерство земледелия приняло меры к улучшению пород домашнего скота, закупив за границей племенной скот лучших пород и раздав его населению.

Не вполне удовлетворительно обстоит с лесоводством. Вследствие хищнического уничтожения лесов, количество их сильно сократилось. Лес не только рубится бесхозяйственно, но местами сжигается и на его удобрении пашут. Так, например, ангорский вилайет, благодаря уничтожению лесов, представляет теперь собой голую пустыню. Правительство ведет серьезную борьбу с хищническим уничтожением лесов. Из анатолийских лесов крупнейшими и важнейшими являются леса северной Анатолии, разбросанные по вилайетам Измид, Болу, Костамуния, Зонгулдаг и Самсун. В западной Анатолии покрыты лесом вилайеты Ментеше, Айдин и Карасу. Общая площадь, занятая лесами в Турции, исчисляется, примерно, в 6.200.000 гектаров. Турецкие леса богаты преимущественно сосной, дубом, березой, елями и на побережьях Средиземного моря кедром.

Переходя к вопросу о промышленности, мы должны прежде всего иметь в виду, что промышленности в современном смысле этого слова в Турции нет. Тяжелая горная промышленность только зарождается, легкая промышленность начинает развиваться. Но правительство оказывает всяческое содействие развитию национальной промышленности. Количество промышленных предприятий в Турции растет с каждым днем. Открываются новые акционерные общества, строятся новые фабрики. В октябре 1926 г. в Синопе начата постройка спичечной фабрики. В Эскишехре учреждается фабрика электрических и телеграфных принадлежностей. Восстанавливается деревообделочный и лесопильный завод в Ада-Базаре. В декабре 1926 г. во Фракии открыт

первый в Турции сахарный завод, а в начале 1927 г. в Ушаке — второй. Однако вполне естественно, что развитие промышленности, проводимое правительством буржуазного класса, подымает благосостояние только буржуазных слоев населения. Условия труда турецкого пролетариата оставляют желать много лучшего. Кодекс законов о труде еще не утвержден, заработная плата, несмотря на рост дороговизны, чрезвычайно низка (подробнее о положении рабочего класса в Турции см. ниже, на стр. 35).

Наиболее крупное для Турции в настоящее время значение имеет табачная промышленность. Прежде, при султанах, она находилась в руках французских капиталистов, организовавших общество „Режи де табак оттоман“ (Управление турецкой табачной монополии), которое имело в Турции исключительное право закупки табака и вывоза его за границу. Кемалистское правительство отменило концессию „Режи“, учредив свою государственную табачную монополию. Результаты истекшего 1926 г. показали, насколько эта промышленность прибыльна. Этот год принес табачной монополии около 11 млн. турецких бумажных лир ¹⁾, что ранее получалось лишь в течение 4 лет. „Режи“ заготовило в последний год своего существования 3.200.000 кило табака, а монополия в первый же год достигла 5.000.000 кило. Качество табака также начало улучшаться, при чем цена на табак установлена умеренная.

Угольные богатства Турции занимают видное место в народном хозяйстве страны. Угольный бассейн расположен вдоль берега Черного моря, от Инеболу до Эрегли, на протяжении 175 километров в длину и 50 километров в ширину. Главные угольные районы: Козлу, Зонгулдаг, Амасра и Эрегли. Близость угольного бассейна к морю делает погрузку угля дешевой. Толщина угольных пластов достигает 800 метров. По определению немецкой комиссии во время великой войны, каждый квадратный километр содержит 40 млн. тонн угля. Общая продукция Зонгулдагского бассейна

¹⁾ Лира по нынешнему курсу — около 1 рубля.

в 1926 году достигла, примерно, 600—700 тысяч тонн.

Вообще подземные богатства Анатолии весьма значительны. В горах Анатолии имеется много железа, меди, серебра, олова, марганца, ртути, угля и пр. минеральных богатств. Но все эти богатства, за исключением угля, или совсем не разрабатывались, или разрабатывались слабо. Теперь правительство решило заняться разработкой рудников, чтобы создать национальную металлургическую промышленность. Меджлис ассигновал 18 млн. лир на эту цель, и в Ангоре учреждается управление металлургической промышленностью и турецкий горно-промышленный банк.

Весьма успешно развивается в Турции шерстяная промышленность. Общее производство шерстяной материи определяется в 2 с лишним миллиона метров в год. Центром шерстяной промышленности является Константинополь, где имеется несколько крупных фабрик. Весной 1926 г. в Ангоре открылась новая суконная фабрика с производительностью около 300 метров в сутки. Хлопчатобумажные фабрики в Турции (их всего 7) вырабатывают в год около 26 млн. кило хлопчатобумажных тканей и ниток, что составляет около $\frac{1}{4}$ всего потребного населению количества тканей. Главным образом хлопчатобумажная промышленность сосредоточена в Аданском вилайете—районе хлопка. Крупное значение имеет шелководство (главным образом, в районе Бруссы); сбор коконов достигает 75.000 пудов в год.

Производство ковров является старинной отраслью народного хозяйства Турции. В 1925 году Турцией произведено около 700 тыс. квадратных аршин ковров. Ковровая промышленность развита, главным образом, в Ушаке, Испарте, Курдистане, Кайсари и Нигде.

Внешняя торговля Турции обнаруживает большой рост. Три последних года дают следующие цифры турецкой внешней торговли (в турецких бумажных лирах):

	1923 год	1924 год	1925 год
Ввоз . . .	144.780.000	193.640.500	242.314.118
Вывоз . . .	84.650.000	158.802.190	191.119.456

Главные предметы турецкого вывоза—табак, шерсть, необработанные шкуры, ковры, хлопок, шелк, фрукты и др.; ввозится уголь, хлеб (для Константинополя), нефтяные продукты, сахар, пряжа, металлические и текстильные и др. изделия. По отдельным странам внешняя торговля Турции дала в 1925 г. такие результаты:

СТРАНЫ	Ввоз в Турцию в турецких бум. лирах	Вывоз из Турции в турецких бум. лирах
Италия	43.421.077	50.490.718
Германия	27.442.072	27.662.802
Франция	26.077.966	24.182.022
Америка	19.954.074	23.102.934
Англия	37.846.817	17.441.277
Сирия	9.020.836	11.669.886
Греция	2.115.007	9.418.800
Египет	6.073.270	5.901.534
Голландия	6.495.112	5.839.698
СССР	6.101.597	4.901.391
Бельгия	11.961.028	3.717.509
Румыния	6.371.930	1.363.555
Чехо-Словакия	10.184.950	26.206
Прочие страны	29.248.382	5.402.124
Итого	242.314.118	191.119.456

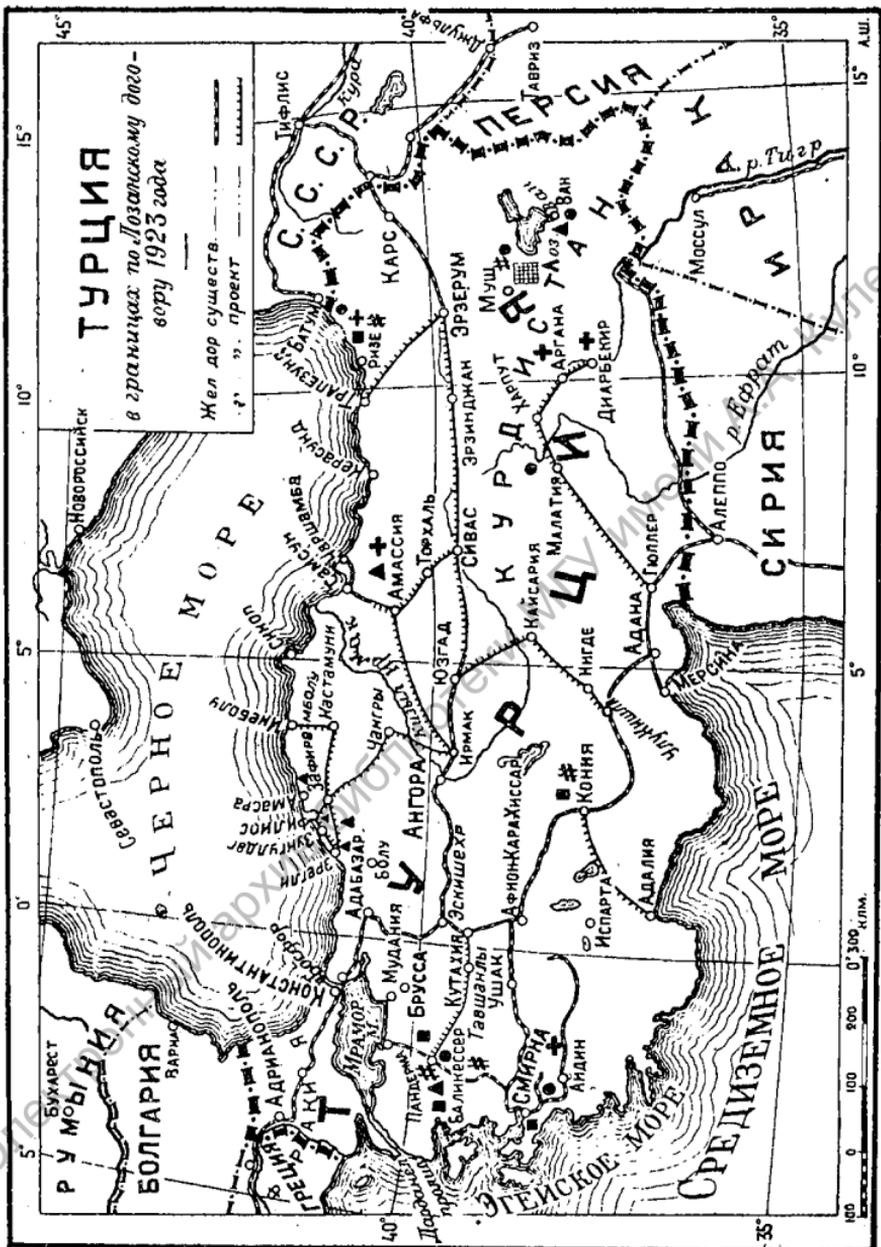
Эти данные показывают, что за 1925 год турецкая внешняя торговля в общем увеличилась на 25% по сравнению с предыдущим 1924 г. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что туркам все еще не удается добиться активности торгового баланса, и ввоз все еще превышает вывоз.

Финансовое положение Турецкой республики, несмотря на большие экономические затруднения, достаточно твердо. Государственный бюджет на 1926/27 г., предусматривает доходы в 190.158.000 лир и расходы в 189.407.000 лир. Таким образом, впервые в Турции бюджет сведен без дефицита (убытка). Старая Турция

не имела ни одного безубыточного бюджета. Тогда дефицит покрывался иностранными займами, за которые турки расплачиваются до настоящего времени. Нынешняя республиканская Турция к внешним займам почти не прибегает. Бюджетное равновесие теперь достигается путем бережливости и введения монополий и новых налогов.

Налоговая политика ангорского правительства выпукло отражает классовую природу кемалистов. Опираясь, главным образом, на зажиточное анатолийское кулачество, ангорское правительство стремится перенести тяжесть налогового бремени из деревни в город. Уничтожение ашара было ярким доказательством этой политики. Последние мероприятия правительства еще более усиливают налоговое обложение городских слоев населения. Но при этом кемалисты, как представители интересов буржуазии, поддерживают последнюю путем правительственных субсидий, защиты против иностранного капитала и т. п., а вся тяжесть новых налогов ложится на плечи турецкого пролетариата. Важнейшие из вновь введенных налогов следующие: 1) „Потребительский“ налог, — распространяющийся на всякого рода куплю и продажу, заказы и коммерческие сделки; от налога освобождается вывозная хлебная торговля и монопольная торговля. 2) „Подходный“ налог, распространяющийся на все общества и лица, занимающиеся на территории Турецкой республики торговлей, промышленностью, свободными профессиями и т. д.; от подходного налога освобождаются земледельцы, торговцы продуктами земли, при условии, если у них нет лавок, и мелкие охотники и рыболовы. 3) „Личный“ налог, уплачиваемый всеми гражданами, не моложе 18 и не старше 50 лет.

Укрепление турецких финансов дает возможность правительству усилить расходы на улучшение транспорта, тем более, что развитию сети железных дорог республиканское правительство придает исключительное значение. Правительство проводит в жизнь определенный план железнодорожного строительства, который охватывает экономические и военные интересы Турции.

Искапаемые: Уголь...▲, Марганец...■, Медь...+, Серебро...●, Железо...\$, Непть...■, Золото...▲

Этот план предусматривает постройку ряда железнодорожных линий с разветвлениями, долженствующих соединить: 1) Константинополь и Смирну через Ангору—Сивас с восточными вилайетами до Карса, 2) побережье Черного моря с побережьем Средиземного моря (Самсун — Мерсина) и 3) Ангору с каменноугольным районом Зонгулдага и Эрегли. Новые дороги проводятся через наиболее плодородные районы и должны способствовать снабжению турецких городов продуктами сельского хозяйства. В настоящее же время, из-за отсутствия надлежащих средств сообщения, даже хороший урожай не может улучшить в должной степени благосостояния крестьян, так как излишки не могут быть выгодно реализованы. Особую важность турецкое правительство придает обеспечению железнодорожной связи между промышленными центрами страны и каменноугольным районом Эрегли-Зонгулдаг, ибо морской транспорт угля требует слишком много времени, и кроме того, не обеспечивает снабжения страны углем в случае каких-либо внешних осложнений или войны.

Часть намеченного железнодорожного плана осуществлена средствами турецкого правительства, а для постройки еще не проведенных линий Турция прибегает к помощи иностранного капитала. При этом, помня горький опыт султанского правительства, кемалисты принимают от иностранцев займы с большим разбором, стараясь использовать капиталы нейтральные и не представляя концессионерам никаких „особых прав“. Так, в конце 1926 года турецкое правительство заключило договор с бельгийской группой капиталистов о постройке в течение пяти лет железнодорожных линий Кайсария—Улу—Кишла и Торхаль—Сивас (последний участок начатой турками линии Самсун—Сивас) и об оборудовании порта в Самсуане: в январе 1927 г.—со шведской группой капиталистов о постройке линии Ирмак (станция на Ангора - Сивасской ж.-д.)—Эрегли и об оборудовании порта Эрегли; эта же группа взяла на себя обязательство построить другую железнодорожную линию в 500 километров длиною, при чем направление этой линии будет указано турецким правительством (вероятнее всего,—Диарбекир-Гюллер).

3. Рабочее движение

Обрисованное положение турецкой промышленности уже само по себе показывает, насколько слаба экономическая основа для рабочего движения в Турции. До победы национальной революции, когда наиболее развитые в промышленном отношении районы (Константинополь, Смирна) были захвачены иностранцами, пролетариат Анатолии состоял лишь из небольшого числа рабочих оружейных заводов, а также из шахтеров зонгулдагских угольных копей. Конечно, при такой малочисленности пролетариата говорить в то время о сколько-нибудь серьезном рабочем движении не приходилось. Кемалистское правительство, стремившееся тогда к объединению всех сил страны для борьбы против империалистов, старалось взять рабочее движение в свои руки. Оно создавало профессиональные организации и даже заигрывало с коммунистами. В Ангоре был основан „союз печатников“, в Константинополе — „союз турецких рабочих“ и „международный союз рабочих“, примкнувшие к Профинтерну. Но уже тогда правительство, опасаясь роста коммунистического влияния, стало принимать меры к „обезвреживанию“ коммунистов, с успехом работавших среди анатолийского пролетариата. Турецкая компартия, созданная в 1920 г. в России бывшими турецкими военнопленными, была обезглавлена после вероломного убийства ее вождя Мустафа-Субхи, приглашенного в Анатолию и утопленного трапезундскими жандармами в море. Ангорское правительство применяло и другие способы борьбы с коммунистическим влиянием. Из числа чиновников, жандармов и подобных „пролетарских“ элементов правительство создало свою собственную „компартию“, заявившую, что она стоит на платформе Коминтерна, но „с распространением и признанием основ ислама“. Целью этой „компартии“ было стремление, с одной стороны, уронить в глазах рабочих масс Турции самые идеи коммунизма, а с другой стороны, полностью подчинить своему надзору и руководству рабочее движение, чтобы затем вовсе его задушить.

После победы над греками правительство вступает на путь решительной борьбы с коммунистами. При

малейшем намеке на приверженность к коммунизму рабочие организации подвергаются полному разгрому. Ряд членов компартии был арестован и выслан из Турции. Коммунистические газеты и журналы закрыты. В настоящее время легальной компартии в Турции не существует, а деятельность отдельных коммунистически настроенных групп и лиц встречает резкое противодействие правительства.

Однако, рабочее движение в Турции продолжает развиваться. Наиболее заметным образом оно проявляется на предприятиях, принадлежащих иностранцам, где борьба против капитала смешивается с национальной ненавистью турок к империалистическим угнетателям. Ангорское правительство, в случаях конфликтов на иностранных предприятиях, старается выступить в качестве посредника и часто становится на сторону рабочих. Вообще линия поведения турецкого правительства в отношении рабочего движения состоит, главным образом, в том, чтобы постараться использовать рабочее движение против иностранного империализма и внутренней контрреволюции и не допустить распространения движения за рамки национально-освободительной борьбы. Поэтому правительство поощряет создание всякого рода законопослушных рабочих организаций, как, например, недавно сформированная „ассоциация рабочих“. Но и этим организациям приходится учитывать нужды рабочих масс и выдвигать перед правительством ряд требований. На съезде „ассоциации“ в конце 1926 г., после принятия горячих приветствий правительству и Кемалю, было решено настаивать на скорейшем издании кодекса законов о труде, крайне важного для турецких рабочих. И правительство вынуждено прислушиваться к голосу рабочих. По сведениям, появившимся в турецкой печати в феврале 1927 г., кодекс уже разрабатывается и будет в скором времени рассмотрен меджлисом.

Ряд забастовок, вспыхнувших за последние годы на промышленных предприятиях, на железных дорогах и т. д., показал, что рабочее движение, при всей своей слабости, все-таки существует и постепенно выходит на свой естественный путь. Развитие промышленности, осуществляемое кемалистским правительством, должно не-

Мустафа Субхи, вождь турецкой компартии, убитый
трапезундскими жандармами в 1920 г.

минуемо привести к численному и качественному укреплению пролетариата и к обострению классовой борьбы. Но в настоящее время переоценивать значение рабочего движения в Турции не следует. Оно еще не так сильно, чтобы можно было делать на него решающую ставку. Мелкая и средняя буржуазия и крестьянство Анатолии,

на которых опираются кемалисты, еще продолжают быть революционным классом, не закончившим еще выполнения своей основной задачи — полного освобождения Турции от политического и экономического гнета западных империалистов.

4. Народная партия и правая оппозиция

С окончанием греко-турецкой войны, национально-освободительное движение Турции неизбежно должно было принять новые формы. Внешняя борьба являлась тем цементом, который скреплял союз самых разнообразных слоев, сосредоточившихся под лозунгом „обороны отечества“ в комитетах „Защиты прав“. Но закончилась война, и начал распадаться этот военный союз. Постепенно в рядах прежде единых кемалистов стали все точнее и точнее вырисовываться отдельные группировки, отражавшие несходные друг с другом интересы.

Прежде, во время войны, кемалистское движение было направлено непосредственно против захватнических стремлений империалистов и превратившейся в оружие последних дворцовой клики. Кемалисты тогда выступали под лозунгом единства нации и старались (с частичным успехом) привлекать в свои ряды даже крупных анатолийских помещиков. Но наступивший после победы над греками период „мирного строительства“ требовал от национальной турецкой буржуазии более решительной политики, имевшей своей целью создание сильного единого буржуазного государства. В этом отношении кемалистам пришлось сразу же столкнуться с сопротивлением реакционных кругов: крупных помещиков и духовенства, не желавших лишаться своих прежних преимуществ, с одной стороны, и крупной портовой буржуазии, заинтересованной в иностранном капитале,— с другой.

Началом этого расслоения явилось отпадение правого крыла парламентской фракции комитетов „Защиты прав“. Это крыло, состоявшее из представителей духовенства и крупных помещиков, создало свою собственную фракцию под именем „Второй группы защиты прав“.

Затем происходит оформление левого крыла националистов: создается так называемая „народная партия“. Непосредственным поводом к ее возникновению было принятое 1 апреля 1923 г. Великим Национальным Собранием решение произвести новые выборы в меджлис. В предвыборной кампании кемалисты должны были объединить свои силы, противопоставив возрождающимся под различными флагами реакционерам сплоченную и мощную политическую организацию. В своей декларации от 8 июня 1923 г. Мустафа-Кемаль, объявляя об организации народной партии, подчеркивал, что „в этот новый мирный период необходимо сплотить большинство меджлиса и создать политическую организацию на основах демократизма“.

Первоначально народная партия включила в себя всю „Первую группу защиты прав“. Специальной программы партия не выработала, ограничившись принятием так называемых девяти „юмде“ (основа, принцип), представлявших собою весьма широкую платформу, на которой могли объединиться самые разнообразные течения.

Однако поступательное движение кемалистов по пути создания сплоченной государственной власти вызвало дальнейшее расслоение уже в рядах народной партии. Основные причины расхождения коренились, главным образом, в разнице экономических интересов двух различных групп. Большинство партии, во главе с Кемалем, стремившееся к созданию национального буржуазного государства, имело своей классовой основой анатолийскую буржуазию и крестьянство. Оппозиция же представляла интересы портовой, в первую очередь константинопольской, буржуазии, тесно связанной с иностранным капиталом и настаивавшей поэтому на осуществлении „западной“ политики и предоставлении большей самостоятельности вилайетам (опять-таки, в первую очередь, Константинополю); кроме того, к оппозиции, естественно, примыкали все остальные недовольные Кемалем реакционные слои — помещики, духовенство и сторонники восстановления монархии. Оппозиция окончательно оформилась в ноябре 1924 г., когда 19 членов народной партии, порвав с последней, создали новую

организацию, принявшую название „прогрессивно-республиканской партии“. Необходимо тут же отметить, что название новой партии меньше всего соответствовало ее действительной сущности. Несмотря на наименование республиканской, далеко не все ее члены были республиканцами. Прогрессивного в новой партии также было мало: партия высказывалась против углубления национальной революции и призывала к уступкам западному капиталу. Наконец, во время контр-революционного восстания курдов в 1925 г. „прогрессисты“, тайно сочувствуя восстанию, заняли двусмысленную позицию и поощряли противоправительственное движение. Кемалисты, естественно, не желали терпеть такого положения вещей, и, в результате, осенью 1925 г. правительство объявило эту партию распущенной и закрыло все ее местные отделения.

Таким образом, к началу 1926 г. в Турции основные силы реакции были разбиты. Оставалось лишь поставить над ними окончательный крест. Таким осиновым колом, вбитым в могилу турецкой контр-революции, явился суд над членами некогда знаменитого комитета „Единение и Прогресс“, по обвинению в покушении на жизнь Мустафа-Кемалю. Эта организация, совершившая переворот 1908 г., а потом скатившаяся к поддержке контр-революции, представляет собою исключительный интерес.

Комитет „Единение и Прогресс“ (по-турецки — „Иттихад вэ терекки“) был впервые основан в 1894 г. четверью воспитанниками константинопольской военной школы: Сукути, Джемдетом, Темо и Назимом. Комитет опубликовал свою программу и устав. Программа была общелиберальная: конституция, гражданское равенство, свобода совести, неприкосновенность личности, ответственное министерство и т. п.; устав предусматривал строго-конспиративную организацию. Вскоре отделения комитета создались во многих районах Константинополя, но за пределы столицы не вышли. В состав общества вошел ряд видных людей того времени. За границей стали издаваться газеты комитета, в самой Турции „Единение и Прогресс“ усиленно подготавливал покушение на Абдул-Хамида. Но султан, благодаря болтливости одного из комитетчиков, узнал о заговоре; последовал

разгром комитета, аресты, высылки. Уцелевшие спаслись бегством за границу, но и там их преследовали, если не булат, то злато Абдул-Хамида. Ряд видных деятелей комитета склонились на посулы султана и, смирившись, вернулись в Константинополь. В течение нескольких лет вся работа комитета сводилась к агитации и пропаганде в заграничной печати.

Подъем революционной волны в Турции после первой попытки „великих держав“ поделить Македонию (1903 г.), и особенно после русской революции 1905 г., возродил деятельность комитета „Единение и Прогресс“. Начиная с 1906 г. „Единение и Прогресс“, перенесший свою резиденцию в Салоники, начинает подготавливать революционное выступление. Ревельское свидание царя Николая II с английским королем Эдуардом в мае 1908 г., свидание, на котором Россия и Англия договаривались о разделе Оттоманской империи, заставило младотурецких патриотов поторопиться. 23 июля 1908 г. восставшая турецкая армия, во главе с членами комитета „Единение и Прогресс“—Энвером и Ниази, провозгласила восстановление конституции. „Единение и Прогресс“ стал у власти.

С 1908 по 1918 гг. (с полугодичным перерывом в 1912 г.) „Единение и Прогресс“ распоряжался судьбами Турецкого государства. Но задачу, поставленную перед ними историей, младотурки не выполнили. За все 10 лет своего пребывания у власти „Единение и Прогресс“ связаться с массами не сумел. Он проводил политику, не согласованную с интересами страны и, в конце концов, приведшую к полному распаду Оттоманской империи. Небольшая кучка людей, двое-трое заправил комитета, против воли народа и даже без ведома большинства своих сотоварищей, втянули Турцию в мировую войну и довели ее до полного разорения. А лишь только выяснилось, что турецкая армия больше не в состоянии противостоять натиску Антанты, младотурки решили уйти со сцены и передать управление страной своим постоянным противникам—„либералам“. В октябре 1918 г. подписывается Мудросское перемирие, и тотчас после этого „Единение и Прогресс“ объявляет себя распущенным, создает взамен новую партию „Теджедюд“

(„Обновление“), а ряд виднейших членов комитета, в том числе Энвер, Джемаль, Талаат, Назим и др. скрываются за границей.

Но в Анатолии зарождается национально-освободительное движение. В 1919—1920 гг. Мустафа-Кемаль-паша объединяет вокруг себя остатки турецкой армии, офицерство, депутатов и готовится защищать с оружием в руках независимость Турции. Подавляющее большинство оставшихся в стране иттихадистов переходит на его сторону. Энверистская же эмиграция все еще мечтает вновь захватить власть в свои руки. Энвер и его три-четыре товарища устраивают в Батуме собрание, которое они громко именуют конгрессом, и вырабатывают новую программу. Энвер даже пытается проникнуть в Турцию, но, встретив решительное запрещение Ангоры и не менее решительное и непосредственное противодействие советского правительства, оставляет свой план. Печальный результат следующей попытки Энвера создать себе опору в лице бухарского басмачества достаточно известен. Энвер гибнет, и гибнут вместе с ним все его бредовые идеи. Тем не менее, в тот самый момент, когда кемалистская армия отражает бешеные атаки греков, иттихадисты отправляют одного из своих приверженцев в Трапезунд с пачкой прокламаций от имени „Единения и Прогресса“ и в то же время в Константинополе ведут переговоры с Врангелем об использовании белых банд в качестве новой опоры комитета. Под шумок ведутся разговоры и о возведении на султанский престол Мустафа-Кемалья в надежде, что этот последний, подобно прежним султанам, станет игрушкой в руках „Иттихада“.

Все эти планы терпят крах. Новая Турция одерживает блестящую победу, и Антанта вынуждена звать кемалистов в Лозанну. И в то же время члены комитета „Единение и Прогресс“, очевидно, не считаясь с постановлением 1918 г. о роспуске партии, собираются на тайное совещание у бывшего министра финансов Джавида и опять вырабатывают новую программу. Интересно, что выработка этой программы, состоявшей из 9 пунктов, непосредственно последовала за опубликованием 9 „юмде“ создававшейся тогда Кемалем народ-

ной партии. Достаточно сравнить эти две программы, чтобы понять корни наиболее существенных разногласий между кемалистами и иттихадистами. И те и другие защищают интересы туземной буржуазии. И те и другие стремятся к созданию сильного буржуазного государства. Но кемалисты, развивая народное хозяйство, освобождая страну от экономического рабства иностранного капитала, опираются на анатолийскую буржуазию и, в первую очередь, на анатолийского крепкого крестьянина; крестьянин для них — „кёйлю-эффенди“ (господин крестьянин), и „лицом к деревне“ — их боевой лозунг. Иттихадисты же, лишившись анатолийской буржуазии и крестьянства, имеют своей опорой портовую, главным образом константинопольскую, буржуазию, заинтересованную в иностранном капитале зачастую больше, чем в развитии производительных сил страны. Отсюда основные расхождения между „Иттихадом“ и кемалистами: Кемаль вводит республиканский строй с Великим Национальным Собранием в качестве одной палаты, весьма схожей по своей организации с нашим ЦИК; иттихадисты же говорят о „равновесии властей“ и выдвигают требование об учреждении сената, придавая, тем самым, турецкой конституции реакционный характер и открывая пути для восстановления султаната. Освобожденная Турция учреждает свою столицу в Ангоре — центре Анатолии; „Единение и Прогресс“ настаивает на возвращении столицы в Константинополь, где правительство постоянно находилось бы под влиянием контрреволюционных группировок и под угрозой пушек иностранных кораблей.

Программе Джавида не суждено было осуществиться. Обстановка не благоприятствовала возрождению „Единения и Прогресса“, окончательно уронившего себя в глазах турецкого народа годами губительных для Турции войн, бегством вождей за границу и всем своим поведением во время борьбы за освобождение. Но комитет не оставляет своей деятельности: он входит в связь со всеми элементами, недовольными новым режимом; он действует за спиной „второй группы“ в меджлисе, он же, наконец, является вдохновителем „прогрессивной“ партии.

Когда же „прогрессивная“ партия была правительством разогнана, в среде иттихадистов возникло твердое решение покончить с „вопросом о Мустафа-Кемале“. Им, нужно было, как говорилось в письме одного из вождей „Иттихада“, уничтожить основное препятствие, стоявшее на их пути к власти: уничтожить „гази“, „чье влияние в народе все еще очень велико“. Так возникает заговор на жизнь Кемала. В июне 1926 г. заговорщики прибывают в Смирну, готовят бомбы и устанавливают время и место покушения. Однако, заговор раскрывается; и виднейшие деятели „Единения и Прогресса“, бывшие министры и депутаты, предстают перед „судом независимости“. 19 смертных приговоров заканчивают процесс.

Уроки суда над иттихадистами пройдут далеко не бесследно для новой Турции. Они послужат грозным предостережением для всех реакционеров и черносотенцев, еще мечтающих о „старых добрых временах“. Вместе с „судом независимости“, все турецкое общественное мнение, весь турецкий народ решительно осудил попытки „Иттихада“ повернуть вспять колесо истории и вновь превратить Турцию в „больного человека“, нуждающегося в постоянном „лечении“ со стороны европейских империалистов. Конец „Единения и Прогресса“ — это полная и окончательная победа крепнущего с каждым днем кемализма над своей „правой оппозицией“.

5. Внутренняя политика

Вся внутренняя политика кемалистов проникнута одним основным стремлением — углубить, закрепить завоевания национальной революции и сделать Турцию передовым, вполне европейским буржуазным государством. Из этого стремления и вытекают те главные мероприятия в области внутренней политики, которые проводились и проводятся турецким правительством и которые, в первую очередь, направлены к усилению государственной власти и к беспощадному подавлению попыток контр-революции.

Сильным орудием в борьбе с реакцией являются созданные ангорским правительством „суды независимости“. Во многом напоминая по своей организации наши ревтрибуналы, турецкие „суды независимости“

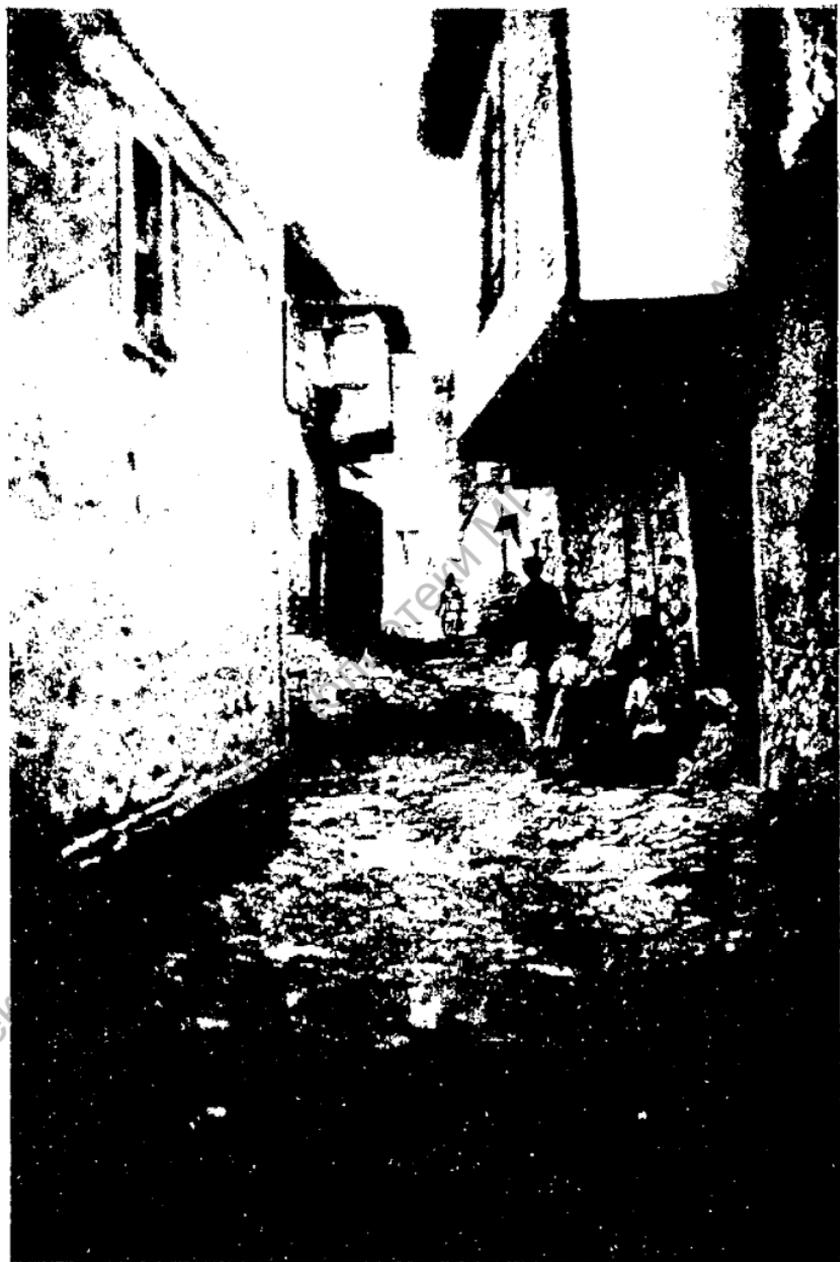
в своей деятельности не ограничены строгими рамками. Они имеют право производить предварительное следствие и возбуждать судебные дела не только по заявлению прокурора, но и по собственному почину. Приговор „суда независимости“ окончателен и обжалованию не подлежит. „Суды независимости“ проделали громадную работу в смысле подавления реакции, особенно в тревожные для турецкой республики дни курдского восстания 1925 г. Ярким примером работы „судов независимости“ был и процесс членов комитета „Единение и Прогресс“. Кемалисты относятся к „суду независимости“ с большим уважением, и в конце 1926 г. Великое Национальное Собрание уже приняло особое постановление о выражении благодарности „суду независимости“ за его деятельность. Империалисты питают к „судам независимости“ особую ненависть. Английские консервативные газеты иначе не называют „суд независимости“, как „ангорской чека“. А какой любовью пользовалась ЧК со стороны реакционной и желтой европейской печати, достаточно известно.

В деле укрепления национальной революции крупнейшее значение имели религиозные реформы, проведенные кемалистами осенью 1925 г. после подавления курдского восстания. Дело в том, что во внутренней жизни Турции громадную роль играли многочисленные религиозные секты дервишей, вместе с их „святителями“ и шейхами (религиозный глава секты). Особенно важным было то, что секты имели в своем распоряжении так называемые „текке“ (дервишские монастыри), служившие крепкой базой для противоправительственных заговоров. Являясь, в большинстве случаев, частной собственностью того или иного шейха, „текке“ были подлинным „государством в государстве“, и власть шейха там господствовала над всем. Благодаря географическим и бытовым условиям, действительное управление страной со стороны центрального правительства, тем более в отдаленных восточных вилайетах, было очень трудным делом, и опасность дальнейшего существования „текке“ стала для кемалистов очевидной. Последним толчком послужило контр-революционное восстание шейха Саида, который вместе со своими приближенными курдскими

шейхами, прикрываясь религиозными лозунгами, втянул массу несознательных курдов в восстание против ангорского правительства „во имя шариата и попираемого Аллаха“. Религиозные секты всецело способствовали реакционным замыслам Саида, затемняя сознание народа и делая из него послушное орудие в руках шейхов, а, в конечном счете, в руках тех темных отечественных и иностранных сил, которые руководили в своих интересах восстанием. Но ставка контр-революционеров была бита. Ангорское правительство сумело быстро подавить восстание, а Саид и его сообщники кончили свои дни на виселице. Закончили свое существование и секты и „текке“; здания „текке“ перешли в собственность государства для использования под школьные помещения.

Закон об упразднении „текке“ и сект касался еще одной, весьма важной стороны внутренней жизни Турции. По этому закону всем гражданам, за исключением небольшой, особо указанной группы духовенства, было воспрещено носить всякого рода „специальные“ одежды и головные уборы: тюрбаны, фески и т. п. Значение этого постановления огромно. Отныне революция проникла в самый быт турка. Бывшие „святые“ шейхи и дервиши теперь по своему внешнему виду ничем не отличаются от остальных смертных и не могут уже разыгрывать из себя какой-то особый род людей и дурманить головы несознательной части турецкого крестьянства. Важно также то, что с воспрещением ношения фески турки сознательно внедряют в свой быт европейские (в хорошем смысле этого слова) привычки и нравы и, тем самым, содействуют поднятию культурного уровня населения. Интересно отметить, что необходимости упразднения специальных одежд правительство дает такое здоровое объяснение, которое прямо указывает на крупнейший сдвиг, происшедший в сознании руководящих турецких кругов со времени освободительной революции. Правительственное сообщение гласит: „Лица, которые носят духовную одежду и рассеяны по всей стране, считают себя представителями народа и позволяют себе волновать народные массы в соответствии со своими планами. Народу следует знать, что одежда, кото-

рую носят граждане, находится в зависимости исключительно от социальных, а не религиозных причин“.

Турецкая улица (старая Ангора)

Еще более важной реформой, в смысле отхода от отсталых форм быта, явилось введение нового гражданского кодекса, вступившего в силу с октября 1926 г. Составленный по западно-европейскому образцу новый гражданский кодекс полностью разрывает связь со старыми религиозными законами и ставит Турцию в отношении гражданского законодательства в уровень с прочими передовыми государствами. Наиболее крупный перелом производит новый кодекс в области семейного права: допускаясь по религиозным законам многожонство теперь воспрещается; взамен прежнего религиозного брака, кодекс делает обязательным брак гражданский, лишая, таким образом, реакционное духовенство и этой возможности влияния на массы¹⁾.

Вообще в культурном отношении новая Турция движется вперед семимильными шагами. Значительно выросла турецкая пресса, насчитывающая около сотни газет и журналов в Константинополе, Ангоре и в провинции. Открываются новые школы и высшие учебные заведения, все больше и больше растет число учащихся женщин. В Константинополе основана консерватория. Успешно работает национальный театр. В конце 1926 г. турецкое министерство просвещения приняло постановление об учреждении ряда народных университетов, и, между прочим, в качестве образца для этих учебных заведений министерство изучает программы, установленные в СССР. Решено также пригласить в Турцию иностранных специалистов из Дании, Бельгии и Германии для проведения реформы в ремесленных школах.

Весьма важным в культурном отношении вопросом является предложение ввести в Турции латинский алфавит. До последнего времени ликвидация неграмотности населения Турции, как вообще всех тюрко-татарских

1) Не следует, однако, думать, что эта борьба против реакционного духовенства, которую кемалисты ведут в целях укрепления своей власти, является борьбой против самой религии. По своей буржуазной природе кемалисты не могут быть „безбожниками“ в нашем смысле слова. Они стремятся не уничтожить религию, а завладеть ею, дабы в дальнейшем „кемалистский мулла“ мог „кемалистским кораном“ доказывать правоту „кемалистского ислама“.

национальностей, чрезвычайно замедлялась тем, что тюркские языки пользуются трудным и несвойственным природе этих языков арабским алфавитом. Достаточно указать, что арабский алфавит не имеет гласных букв, неудобен по начертанию, создает затруднения при торговых записях (письмо идет справа налево, а цифры слева направо) и т. д. Тюркские народности СССР сделали первый почин в этом вопросе: в Азербайджанской ССР арабский алфавит уже заменен европейским (смешанным русско-латинским). В феврале 1926 г. в Баку состоялся специальный съезд, посвященный вопросу об алфавите тюркских языков. Этот съезд, на котором присутствовали и представители Турции, единодушно высказался за необходимость введения латинского алфавита. Непосредственно вслед за этим в Турции началось серьезное обсуждение вопроса об алфавите, и правительство создало особый комитет с участием видных турецких ученых и писателей. По тем сведениям, которые появились в турецких газетах, видно, что комитет решил вопрос о введении латинского алфавита в положительном смысле, и что в близком будущем можно ожидать правительственного распоряжения о замене арабского алфавита латинским.

6. Внешняя политика

То же основное стремление — закрепить и углубить завоевания национальной революции — определяет пути внешней политики кемалистов. Для новой Турции (как и для всего угнетенного Востока) внешний мир делился и делится на два противоположных лагеря: фронт империалистических, крупных и малых держав, старающихся возродить закабаление Турции иностранным капиталом, и фронт советских республик, всеми силами поддерживающих национально-освободительное движение и помогающих хозяйственному развитию Турции.

Самым опасным и самым сильным врагом республиканской Турции является Англия. Захват английскими властями Константинополя, разгон парламента, наконец, годы войны с греками, служившими лишь орудием в руках англичан, — все это не оставляло в глазах турок

никаких сомнений относительно подлинного „миролюбия“ этих хваленых „носителей культуры“. Даже после Лозаннского мира англичане сумели проявить свое хищничество. По Лозаннскому договору остался нерешенным вопрос о принадлежности богатого нефтеносного района Мосула. Этот район англичане захватили у турок в 1918 г., уже после перемирия, и решили закрепить его за своим „подмандатным“ государством — Ираком. Лига Наций, которая, по условиям Лозаннского мира, должна была разбирать англо-турецкий спор о Мосуле, конечно, высказалась в пользу англичан. Турция отказалась признать это постановление, но англичане, действуя недвусмысленными угрозами (страшая турок предстоящим нападением Италии и пр.), принудили ангорское правительство пойти на уступки. Турки, скрепя сердце, вынуждены были в июне 1926 г., подписать договор о передаче Мосула Англии, ибо понимали, что им необходимо сосредоточить все внимание на работе по поднятию своего народного хозяйства, и что воевать с англичанами из-за Мосула им сейчас не под силу. Но с подписанием мосульского договора англо-турецкие отношения, конечно, не улучшились. Турки продолжают видеть в англичанах непримиримых врагов, ожидающих только удобного случая, чтобы вновь попытаться задушить турецкое национально-освободительное движение.

С Францией у турок одно время были несколько иные отношения. Стараясь создать англичанам затруднения, французское правительство во время греко-турецкой войны пошло на соглашение с Кемалем. В 1921 г. в Ангоре был подписан франко-турецкий договор, отменявший Севрский мир и признававший Великое Национальное Собрание в качестве законного правительства Турции. Но по мере того, как Франция ослабевала в Европе и подпадала под влияние англичан, французы начали терять возможность вести на Ближнем Востоке самостоятельную политику. Постепенно и Франция стала в отношении турок не чем иным, как Англией № 2. В 1926 г. франко-турецкие отношения ничем не лучше англо-турецких. Между Турцией и Францией возникает целый ряд недоразумений, при обсуждении которых турецкое общественное мнение указывает на полное

совпадение французских и английских целей в Турции, направленных к закабалению и порабощению восточных народов. „Политика Франции,— писала в сентябре 1926 г. газета народной партии „Джумхуриет“ („Республика“), — целиком подчинена английскому влиянию. Тот же Бриан, которого мы прежде видели трепещущим перед Ллойд-Джорджем, теперь опять министр иностранных дел Франции. Ничто не изменилось ни в фактах, ни в умах“...

Из остальных империалистических держав наибольшее значение для Турции имеет Италия. Италия за последние годы переживает острый кризис перенаселения. Земельной площади на собственном „сапоге“¹⁾ для растущего населения Италии не хватает, и эмиграция возрастает с каждым годом. В поисках новых мест для своего избыточного населения, фашистское правительство обращает взоры на Анатолию, встречая в этом открытую поддержку англичан. Разумеется, это не может не вызывать некоторого беспокойства турок, которые очень нервно относятся ко всякой угрозе срыва мирного экономического возрождения страны.

Дело не ограничивается только крупными империалистическими акулами. За ними следуют хищники поменьше (Греция, напр.), которых большие державы намерены использовать, как пушечное мясо в случае войны и как мост для экономического проникновения в Турцию — во время мира. Но турки все это прекрасно учитывают. Кемалистское правительство не обманывается относительно истинной природы лагеря империалистических держав. Оно хочет жить в мире со всеми, оно хочет посвятить свои силы мирному хозяйственному развитию, в котором страна так нуждается. Но Ангора, вместе с тем, зорко следит за империалистическими замыслами капиталистических держав и в случае нужды сумеет дать им такой же могучий отпор, какой она дала во время войны за освобождение.

Совсем иного порядка отношения существуют у Турции с ее восточными соседями — СССР, Персией и Афга-

¹⁾ На географической карте Италия имеет форму, сходную с сапогом.

нистаном. Здесь нет ни малейшего намека ни на захватнические стремления, ни на какие-либо козни или интриги. Дружеская связь Турции с Персией и Афганистаном укрепляется с каждым днем. Попытки империалистических держав создать разногласия между Турцией и Персией путем оказания помощи мятежным курдским племенам на персо-турецкой границе потерпели полное поражение. В 1926 г. Турция и Персия заключили договор о взаимном ненападении и нейтралитете, устанавливающий порядок полюбовного разбирательства пограничных конфликтов. Что касается Афганистана, то с ним Турция еще в 1921 г. подписала союзный договор „о дружбе и братстве“. Объединенными усилиями освобождающийся Восток ведет борьбу против иностранного гнета и в этой борьбе встречает самое горячее, самое деятельное сочувствие и поддержку народов СССР.

Турция и СССР

В своих взаимоотношениях с новой Турцией СССР руководится прежде всего стремлением поддержать турецкий народ в его борьбе против векового гнета западного капитала. Рабочие и крестьяне Советского Союза не могут иметь никаких задних мыслей в отношении Турции. Им не нужны Константинополь и Прованс, прельщавшие взоры царской России, как не нужны ни „капитуляции“, ни „финансовый контроль“. СССР и Турцию связывает в подлинном смысле слова бескорыстная дружба.

Турки сами высоко ценят дружественные отношения с СССР и ревниво оберегают их от всяких покушений извне. Они прекрасно понимают, какое значение для самого существования кемалистского движения имела советско-турецкая дружба. Она сыграла для Турции решающую роль во время войны за освобождение, позволив ангорскому правительству, без всякой боязни за свои восточные границы, бросить все силы против греков; точно так же в 1925 г. эта дружба дала кемалистам возможность снять почти все войска с кавказской границы для подавления мятежа шейха Саида.

Посещение полпредом РСФСР тов. Араловым главной квартиры турецких войск в 1922 г. перед началом наступления турок против греков. Тов. Аралов (X) беседует с Кемалем (XX).

Советско-турецкая дружба заложена на прочных основах. Она возникла еще на заре кемалистского движения и закалилась в боях против общего врага — западно-европейского империализма. Когда Турция истекла кровью под пятой иностранных насильников, грабивших и порабощавших страну, взоры турецких революционеров обратились к Советской России, и Советская Россия поддержала и ободрила Турцию. Красноречивые документы этой эпохи — письмо Мустафа-Кемаль-паши к советскому правительству (26 апреля 1920 г.) и ответ тов. Чичерина (3 июня того же г.) — послужили первыми кирпичами фундамента дружбы народов Турции и СССР. В дальнейшем, пройдя через этапы Московского и Карского договоров 1921 г., советско-турецкая дружба нашла свое наиболее полное выражение в Парижском договоре 17 декабря 1925 г. о взаимном ненападении и нейтралитете; этот договор еще раз подчеркнул основные принципы советской восточной политики, начало

которым дал Октябрь: мирное хозяйственное развитие и защита свободы и независимости.

Эту дружественную в отношении Турции политику СССР проводит и в хозяйственно-экономической области. За последние годы между обеими странами заключен целый ряд соглашений и конвенций, имеющих своей целью урегулирование самых жизненных для народов Турции и СССР вопросов. Так, например, соглашениями 1922 года, подписанными Грузинской Сов. Соц. Республикой и Турцией, разрешен порядок и условия пользования пастбищами в пограничной полосе и установлены правила кратковременного перехода границ для жителей смежных областей. В том же году между Закавказской Соц. Фед. Сов. Республикой и Турцией была заключена почтово-телеграфная конвенция. В сентябре 1926 года закончились работы смешанной советско-турецкой пограничной комиссии, и был подписан протокол о проведении границы между СССР и Турцией. Наконец, в январе 1927 года было заключено соглашение по одному из наиболее важных для хозяйства обеих стран вопросов — о пользовании водами пограничных рек Аракса и Арпа-Чая и о праве СССР производить на турецком берегу Аракса работы по постройке Сердарабадской плотины, которая воздвигается правительством ССР Армении в целях орошения земель.

Значительный успех достигнут к последнему времени¹⁾ в переговорах о заключении советско-турецкого торгового договора. Правда, по сравнению с другими странами, СССР в общей сумме внешней торговли Турции занимает незначительное место — всего около $2\frac{1}{2}\%$ (цифры внешней торговли Турции см. на стр 31). Но, благодаря непосредственной географической близости и благодаря той политике льгот, которую проводит СССР в отношении восточных купцов, торговля с СССР имеет для Турции громадное значение. СССР является потребителем турецких фруктов (апельсины, лимоны), хлопка, дубителей и пр. В Турцию СССР ввозит нефтепродукты, сахар (наши Нефтесиндикат и Сахаротрест имеют специальные договоры с нефтяной и сахарной

1) Написано в феврале 1927 г.

монополиями Турции), цемент, хлеб, уголь, рыбные товары, сельскохозяйственные орудия и пр. Вполне понятно поэтому, что заключение торгового договора явилось для Турции и СССР насущной необходимостью. И, несмотря на большие трудности, возникшие во время переговоров и объясняющиеся разницей экономических укладов обеих стран, эти переговоры протекают успешно и близятся к удовлетворительному разрешению.

Торговый договор явится новым доказательством советско-турецкой дружбы, одним из самых ярких проявлений которой было недавнее свидание наркома по иностранным делам тов. Чичерина с министром иностранных дел Турции Тевфик-Рушди-беем, имевшее место в Одессе 12—14 ноября 1926 г. История этого свидания весьма проста. Тевфик-Рушди, узнав, что тов. Чичерин предполагает ехать за границу в отпуск, просил его посетить Турцию. Так как тов. Чичерин по состоянию здоровья не мог удовлетворить просьбу Тевфик-Рушди, то было условлено, что нарком и министр встретятся в Одессе, как наиболее подходящем пункте. Свидание тов. Чичерина с Тевфик-Рушди протекало сердечно, в дружеской обстановке. Оно меньше всего напоминало свидания и встречи представителей империалистических государств на Западе. Там Штреземаны, Брианы и Чемберлены встречаются для стовора о том, как бы получше извлечь пользу и прибыль из угнетенных колониальных и полуколониальных стран, как бы получше договориться о совместном нападении на своих соседей. Здесь же встретились представители двух дружественных правительств, которые хотели открыто обсудить ряд вопросов, интересующих обе страны, и личным свиданием закрепить еще прочнее ту тесную связь, которая существует между Турцией и СССР.

Разумеется, кемалистская Турция имеет много теневых сторон. Достаточно взглянуть на то, как расправлялись и расправляются кемалисты с рабочим движением, как душили они коммунистическую партию. Мы не должны искусственно прикрашивать Восток, не должны закрывать глаза на то угнетение, которому подвергается турецкий пролетариат со стороны осуществляющей свое „первоначальное накопление“ буржуазии. Но, несмотря на

все это, мы должны признать за кемализмом большие заслуги: победа над западно-европейскими империалистами, создание независимого, свободного от иностранной „опеки“ государства — в громадной степени способствуют развитию национально-освободительного движения на Востоке.

Задачи, поставленные историей перед Турцией, еще не разрешены. Западно-европейский империализм продолжает угрожать молодой Турецкой республике и всяческими способами стремится подчинить ее своему влиянию. В борьбе против этого врага, в борьбе за освобождение угнетенных народов Востока — республиканская Турция может смело рассчитывать на сочувствие и дружескую поддержку рабочих и крестьян СССР.

71432